

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-6-6>

УДК 316

Attribution

cc by

**ИНСТИТУТ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ В КИТАЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ**

Ван Сяоцин¹, Спасский Е.Н.²

Дальневосточный государственный университет путей сообщения^{1,2},

Шаньдунский транспортный университет

Аннотация. Беспрецедентное старение населения Китайской Народной Республики, где численность граждан в возрасте 60 лет и старше к концу 2024 г. достигла 310 млн человек (около 22 % населения страны), а к 2035 г. прогнозируется на уровне 30 %, обуславливает необходимость переосмысления института оказания социальной помощи пожилым людям и научного осмысления как исторического, так и современного опыта его функционирования. Цель – выявить этапы становления и институциональную логику развития системы социальной помощи пожилым людям в Китае с акцентом на синтез традиционных конфуцианских ценностей и современных институциональных механизмов. Методы исследования. Исследование выполнено с применением историко-социологического, документально-источниковедческого и сравнительно-институционального методов; проведён анализ нормативно-правовых актов КНР, китайских и западных научных публикаций, статистических данных Министерства гражданских дел КНР и Государственного статистического бюро КНР. Результаты. Выделены и охарактеризованы пять этапов институционализации социальной помощи пожилым людям в Китае: древний (с VIII в. до н.э. до 1911 г.), республиканский (1911–1949), ранний период КНР (1949–1978), реформенный (1978–2008) и современный (с 2008 г. по настоящее время). Установлена преемственность конфуцианского принципа сыновней почтительности (孝, сяо) и современной модели «90–7–3». Выводы. Китайская модель социальной помощи пожилым людям сочетает конфуцианскую этику семейного долга, государственный патернализм и общинно-партнёрские формы взаимопомощи, что отражает значительную преемственность институциональной матрицы при последовательном расширении формализованных механизмов на современном этапе.

Ключевые слова: социальная помощь, пожилые люди, Китай, старение населения, конфуцианство, сыновняя почтительность, общинная взаимопомощь, пенсионная система, модель «90–7–3», социальная политика КНР.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**THE INSTITUTE OF SOCIAL ASSISTANCE FOR THE ELDERLY IN CHINA:
HISTORY AND MODERN EXPERIENCE**

Wang Xiaoqing¹, Evgeny N. Spassky²

Far Eastern State Transport University^{1,2},

Shandong Jiaotong University¹

Abstract. Relevance. The unprecedented aging of the population of the People's Republic of China, where by the end of 2024 the number of citizens aged 60 and older reached 310 million people (approximately 22 % of the country's population) and is projected to reach 30 % by 2035, necessitates a rethinking of the institute of social assistance for the elderly and a scientific understanding of both historical and contemporary experience of its functioning. The aim is to identify the stages of formation and the institutional logic of the development of the system of social assistance for the elderly in China, with emphasis on the synthesis of traditional Confucian values and modern institutional mechanisms. Research methods. The study was conducted using historical-sociological, documentary-source and comparative-institutional methods; an analysis of regulatory legal acts of the PRC, Chinese and Western scientific publications, and statistical data from the Ministry of Civil Affairs of the PRC and the National Bureau of Statistics of the PRC was carried out. Results. Five stages of institutionalization of social assistance for the elderly in China are identified and characterized: ancient (from the 8th century BC to 1911), republican (1911–1949), early PRC period (1949–1978), reform (1978–2008), and modern (from 2008 to the present). The continuity of the Confucian principle of filial piety (孝, xiao) and the modern '90–7–3' care model has been established. Conclusions. The Chinese model of social assistance for the elderly combines the Confucian ethics of family duty, state paternalism and community-partnership forms of mutual assistance, reflecting a substantial continuity of its institutional matrix alongside the progressive expansion of formalized mechanisms at the present stage.

Keywords: social assistance, elderly people, China, population aging, Confucianism, filial piety, community mutual aid, pension system, '90–7–3' model, social policy of the PRC.

Funding: Independent work.

Введение.

Современное китайское общество переживает один из самых драматичных в мире демографических переходов. По официальным данным, опубликованным Государственным советом КНР в марте 2025 г., численность населения страны в возрасте 60 лет и старше к концу 2024 г. достигла 310 млн человек, что составляет приблизительно 22 % от общей численности населения; по прогнозам, к 2035 г. этот показатель возрастёт до 30 % [1]. По состоянию на конец 2023 г. численность данной возрастной группы составляла около 297 млн человек, или 21,1 % населения, причём 43,34 млн пожилых граждан получали государственные пособия и субсидии [2]. По оценкам ведущих демографов, пик старения будет достигнут к 2054 г., когда численность пожилых граждан может превысить 520 млн человек [3]. Шанхай вошёл в фазу «стареющего общества» ещё в 1979 г., и в 2019 г. лица старше 60 лет составляли в нём 35,2 % зарегистрированного по месту жительства населения [4, с. 33].

Китайский опыт представляет собой один из наиболее продолжительных и институционально устойчивых примеров оказания социальной помощи нуждающимся, документально прослеживаемых от древних эпох до современности. Это делает изучение института оказания социальной помощи пожилым людям в его исторической перспективе и современном состоянии особенно значимым для сравнительного социологического анализа.

Особую актуальность данное направление приобретает для государств, разрабатывающих собственные модели социального обеспечения в условиях демографического перехода. В этом контексте, китайский опыт может рассматриваться как ценный материал для изучения механизмов институциональной адаптации социальной помощи к процессам старения населения.

Целью настоящего исследования является выявление этапов становления и институциональной логики развития системы социальной помощи пожилым людям в Китае с акцентом на синтез традиционных конфуцианских ценностей и современных институциональных механизмов.

Обсуждение.

Институциональный подход к изучению социальной помощи позволяет рассматривать соответствующую систему не просто как совокупность мер государственной политики, а как «комплексную систему социально-экономических отношений, предназначенную для оказания разносторонней помощи нетрудоспособным или ограниченно-трудоспособным лицам» [5, с. 83].

Вместе с тем, специфика Китая состоит в особом сплаве философско-этических оснований и государственно-правовой институционализации, отличающемся высокой степенью преемственности традиционных ценностей и формальных институтов на разных этапах исторического развития страны. Как отмечают китайские исследователи, реформы в сфере социальной политики КНР с 1990-х гг. шли собствен-

ным путём параллельно экономическим преобразованиям [6].

Философской основой китайской системы заботы о пожилых является сложный синтез конфуцианства, буддизма и даосизма. Центральное место в этом синтезе занимает принцип сыновней почтительности (сяо, 孝). Иероглиф «сяо» состоит из двух знаков: «лао» (старый) сверху и «цзы» (сын) снизу, что графически выражает идею преемственности поколений и обязанности молодого поколения поддерживать старшее [7, с. 49]. Конфуцианская доктрина рассматривает семью как первичную моральную и социальную единицу, в которой материальное обеспечение, уважение, поклонение предкам и сохранение родовой линии являются неотъемлемыми обязанностями детей перед родителями [8, с. 4].

Буддийские представления, распространившиеся в Китае с эпохи Хань, оказали влияние на развитие благотворительных практик и учреждений помощи социально уязвимым группам населения. В исторических источниках отмечается, что в буддийской традиции забота о больных, немощных и одиноких рассматривалась как одна из форм общественного милосердия; с этим связывается появление отдельных благотворительных учреждений, в том числе так называемых «Богаделен поля сострадания» эпохи Тан [9, с. 303].

Наряду с этим, конфуцианские и даосские представления о социальной гармонии, моральной ответственности и упорядоченности общественных отношений также способствовали формированию ценностных оснований помощи пожилым и нуждающимся.

Методологически в настоящем исследовании используется институциональный подход, в рамках которого институт оказания социальной помощи пожилым людям понимается как устойчивая совокупность норм, организаций, практик и культурных кодов, обеспечивающих защиту и поддержку лиц старшего возраста. Применены следующие методы: историко-социологический (для реконструкции этапов развития), документально-источниковедческий (для анализа нормативно-правовых актов), статистический (для оценки масштабов современных явлений), сравнительный (для сопоставления с практикой иных стран).

Работа имеет обзорно-аналитический характер. Эмпирическую базу исследования составили: материалы пятилетних социально-экономических планов КНР (1994–2020 гг.), нормативно-правовые акты (Конституция КНР 1982 г., Закон КНР о защите прав и интересов пожилых людей 1996 г., Закон о браке КНР), статистические данные Министерства гражданских дел КНР, Государственного статистического бюро КНР и Государственного совета КНР за 2019–2025 гг., а также корпус русскоязычных и англоязычных научных публикаций 2006–2025 гг. (18 источников).

Научная новизна исследования заключается в разработанной авторской пятиэтапной периодизации

развития института оказания социальной помощи пожилым людям в Китае, прослеживающей преемственность институциональной матрицы от древнего конфуцианского принципа сыновней почтительности до современной комплексной модели «90–7–3», что позволяет рассматривать данный институт не как фрагментированную совокупность разновременных реформ, а как единый эволюционирующий социальный механизм с устойчивой ценностно-нормативной матрицей.

Результаты.

Этап первый: древний период (с VIII в. до н.э. до 1911 г.). Древнейшее документально подтвержденное упоминание о государственной помощи, нуждающиеся относятся к периоду династии Западная Чжоу (1027–770 до н.э.), когда чжоуский ван был наделён функциями Сыту, главного блюстителя нравов. В обязанности Сыту входили шесть принципов поддержки народа, второй из которых гласил: «заботиться о стариках» [9, с. 301]. С эпохи Хань Вэнь-ди (202–157 до н.э.) законодательно закрепляется адресная материальная помощь старшим: лицам, достигшим 80-летнего возраста, ежемесячно выдавалось 1 дань (около 150 кг) риса, 5 доу винных напитков и 20 цзинь мяса; достигшим 90 лет дополнительно выдавались отрезки шёлка [9, с. 302].

Период расцвета институциональных форм социальной помощи пришёлся на эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1279). При У-ди династии Лян (464–549) в Нанкине был организован «сад оказания милости сирым и беспомощным», ставший первым государственным учреждением для одиноких пожилых граждан. Император Су-цзун династии Тан (711–762) построил отдельные дома призрения для больных и престарелых в столицах Чаньань и Лоян [9, с. 303]. Эпоху Сун специалисты называют «золотой порой пожилых людей»: при императоре Хуэйцзуне (1082–1135) нормативный возраст пожилых составил 50 лет, в Пекине правительство ежегодно поставляло в дома престарелых разнообразный провиант и выделяло 275 лян серебром [9, с. 304].

Значительный вклад в развитие института социальной помощи внесли частные благотворители: неоконфуцианец Чжу Си (1130–1200) открыл «общественный амбар» в уезде Цзяньнин, а Фань Чжуньянь основал «ичжуан», то есть общественный хутор в Сучжоу, доходы с которого направлялись на поддержку неимущих членов общины, включая пожилых [9, с. 304]. В эпохи Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) сложилась устойчивая «дифференцированная» модель социальной помощи пожилым: для государственных служащих заботу о них принимало государство, тогда как обязанность ухода за рядовыми пожилыми гражданами возлагалась на сыновей и дочерей [9, с. 305].

Этап второй: республиканский период (1911–1949). После Синьхайской революции и краха империи происходит модернизация форм социальной помощи под влиянием западных и русских миссионерских структур. К 1948 г. на территории Китая дей-

ствовали 4172 благотворительных организации, из которых 1969 были основаны частными лицами [9, с. 305]. Особое значение имели католические миссии, которые к середине XX в. содержали 250 приютов и 200 госпиталей. Заметный вклад внесла русская харбинская община, организовавшая совместный с КВЖД русско-китайский приют для подкидышей.

Этап третий: ранний период КНР (1949–1978). В 1951 г. был принят документ «Нормы (проект) КНР в области страхования рабочего класса», регулировавший пособия по старости, болезни и медицинскому обслуживанию [5, с. 81]. Этот этап включает резкие колебания: после «культурной революции» (1966–1976) большинство соответствующих структур были распущены, пособия по безработице упразднены, а система социального страхования сведена к производственной. Вместе с тем именно в этот период была институционально закреплена «система пяти обеспечений» (питание, одежда, жильё, медицинская помощь и захоронение) для сельских одиноких пожилых граждан, ставшая одним из устойчивых элементов современной системы.

Этап четвёртый: реформенный период (1978–2008). Реформа социального обеспечения была инициирована решениями 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва в 1978 г. В 1984 г. ряд регионов экспериментально начал внедрять новые модели пенсионного обеспечения по старости с обязательными отчислениями муниципальных и коллективных предприятий и индивидуальными накопительными счетами [5, с. 81]. В 1991 г. Госсовет КНР принял «Решения по реформе системы выплаты пенсий рабочим и служащим предприятий», предусматривавшие три вида программ: единые государственные пенсии, корпоративные программы и индивидуальное пенсионное страхование [10, с. 36].

По оценкам российских специалистов по социальной политике КНР, демографический фактор играл ключевую роль в формировании пенсионной системы: согласно прогнозам, доля пожилых к середине XXI века может достичь 31 % при пенсионной нагрузке в 644 человека на 1000 лиц трудоспособного возраста [11, с. 157]. Параллельно реформам пенсионной системы шло становление системы социальной защиты населения в целом, охватывая вопросы материальной поддержки, медицинского обслуживания и социальных гарантий уязвимым категориям граждан [12, с. 224–242]. Новая модель была опробована в Шанхае, где ещё с 1993 г. фиксировались отрицательные темпы прироста населения. К 2005 г. средний размер пенсии в городах достиг 600 юаней, а в сельской местности составил 700 юаней в год [10, с. 36].

Конституция КНР 1982 г. закрепила в ст. 49 положение о том, что «совершеннолетние дети обязаны поддерживать и помогать своим родителям», институционализовав конфуцианский принцип сяо как норму семейного права [13, с. 2]. В 1996 г. был принят «Закон о защите прав и интересов пожилых людей», ставший правовой основой системы. Несмотря на это, к 2005 г. лишь около 10 % населения было

охвачено системой социального страхования [10, с. 38], что свидетельствовало о незавершённости институциональной трансформации.

Этап пятый: современный (с 2008 г. по настоящее время). Современный этап характеризуется институциональной зрелостью и переходом к комплексной модели социального обеспечения пожилых. Краеугольным камнем стала модель «90–7–3», согласно которой 90 % пожилых граждан должны получать уход на дому, 7 % в учреждениях общинного типа и лишь 3 % в стационарных домах престарелых [3]. В 12-м пятилетнем плане (2011–2015) центральное правительство официально провозгласило новую инфраструктуру: «домашний уход как основа, общинный уход как поддержка, государственные учреждения как дополнение» [13, с. 4].

Особое значение приобретает шанхайская модель общинной взаимопомощи пожилым людям, включающая три типа: «модель парной поддержки», «модель сбережения времени» («Банк времени») и «модель пенсионного ухода на дому» [4, с. 35–37]. В современной литературе выделяют несколько разновидностей моделей общинной заботы о пожилых, реализуемых в крупных городах КНР, среди которых Чунцин, Циндао, Гуанчжоу и Пекин демонстрируют различные институциональные конфигурации [14]. Первая шанхайская модель представляет собой объединение в пары дееспособных пожилых волонтеров и пожилых людей, потерявших способность самообслуживания. Программа «Старый компаньон», запущенная в районе Цзиньян Пудуна в 2012 г., стала её прототипом. «Банк времени», впервые внедрённый в районе Хункоу в 1988 г. и развёрнутый на платформе WeChat в 2014 г., позволяет волонтерам «депонировать» отработанные часы для использования в будущем [4, с. 37]. Модель ухода на дому интегрирована с системой долгосрочного страхования на случай потребности в уходе, пилотные проекты которого запущены в районе Путо.

С 2016 г. в 49 пилотных городах введено страхование долгосрочного ухода (LTCI), а в 2022 г. принят новый пятилетний план социального обеспечения пожилых, явно отражающий принципы здорового старения ВОЗ [3]. По состоянию на конец 2023 г., 43,34 млн пожилых граждан КНР получают государственные пособия и субсидии, на социальные нужды пожилых выделено 42,17 млрд юаней [2]. Согласно отчёту Министерства гражданских дел КНР, охват базовым пенсионным страхованием достиг 1,066 млрд человек, охват базовым медицинским страхованием превышает 95 % населения [2].

Эмпирические исследования подтверждают, что услуги общинного ухода положительно влияют на физическое и психологическое благополучие пожилых граждан, особенно на их жизненную удовлетворённость и снижение риска хронических заболеваний [15]. Кроме того, услуги общинного ухода положительно влияют на когнитивные функции пожилых людей, причём разрыв между городом и селом в их

доступности значительно сократился за период 2008–2018 гг. [16, с. 5].

Современный этап характеризуется также рядом системных противоречий. С одной стороны, конфуцианский принцип сяо продолжает поддерживаться государством через Закон о браке КНР, налоговые льготы и пропаганду; с другой стороны, под давлением урбанизации, миграции и последствий политики «одна семья – один ребёнок» формируется типичная структура семьи «4–2–1», в которой один взрослый ребёнок обеспечивает уход за двумя родителями и четырьмя бабушками-дедушками [3]. В 2021 г. около 60 % пожилых граждан проживали одни или только с супругом, что подтверждает эрозию традиционной семейной модели [3]. Ряд исследователей прямо ставит вопрос о «мифе сыновней почитательности» как опоре современной системы заботы о пожилых [17, с. 3].

Заключение.

Институт оказания социальной помощи пожилым людям в Китае характеризуется значительной исторической глубиной и институциональной устойчивостью: тысячелетняя конфуцианско-буддийская традиция сочетается в нём с современными формализованными институциональными формами. Проведённый историко-социологический анализ позволил выделить пять этапов его развития, каждый из которых наследовал и трансформировал предшествующие практики.

Принципиальная особенность китайской модели состоит в том, что государство, признавая исчерпание потенциала исключительно семейной заботы под давлением демографического перехода, не отказывается от конфуцианской ценностной матрицы, а реинтерпретирует её в новых институциональных формах: через общинную взаимопомощь, страхование долгосрочного ухода, цифровые платформы и модель «90–7–3».

Тем самым, формируется самостоятельный подход, отличающийся от западной институционально-рыночной модели преимущественной опорой на семью и общину, а от советско-государственной модели социального обеспечения – значительно более активной ролью традиционных культурных норм и общинных практик.

Вместе с тем, китайская модель не лишена системных противоречий: семейная структура «4–2–1», региональные диспропорции между городом и селом, исторически невысокая доля социальных расходов в ВВП и противоречие между легитимизацией принципа сяо и эрозией традиционной семьи требуют дальнейшего изучения. Систематические обзоры также показывают, что КНР ещё предстоит выработать устойчивый механизм финансирования системы долгосрочного ухода, стандартизированные критерии соответствия и единое качество услуг, что характерно и для других стран со средним уровнем дохода [18]. Опыт Китая представляет несомненный интерес для государств, разрабатывающих собственные модели социальной помощи пожилым людям в условиях

ускоряющегося демографического старения, и может стать предметом дальнейших сравнительных институциональных исследований.

Конфликт интересов

Conflict of Interest

Не указан.

None declared.

Рецензия

Review

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. China to promote application of big data, AI in elderly care: minister [Электронный ресурс] / The State Council of the People's Republic of China. – 9 марта 2025 г. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202503/09/content_WS67cd9f66c6d0868f4e8f0a69.html (дата обращения: 19.05.2026).
2. Over one-fifth of Chinese population older than 60, says official report [Электронный ресурс] / The State Council of the People's Republic of China. – 12 октября 2024 г. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202410/12/content_WS6709cb9ac6d0868f4e8ebdda.html (дата обращения: 19.05.2026).
3. Fang E.F., Fang Y., Chen G. et al. Adapting health, economic and social policies to address population aging in China // *Nature Aging*. – 2025. – Vol. 5. – P. 2176–2187. DOI: 10.1038/s43587-025-00999-8
4. Ли Сюй, Ма Чуан, Цао Иньтин. Исследование политики обслуживания пожилых людей в современном Китае – на примере Шанхая // *Сравнительная политика*. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 33–47.
5. Дамбаева Д.Р., Базарова Т.С. Особенности системы социальной защиты в Китае // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2015. – № 5. – С. 80–83. EDN: VLZQUH
6. Гуань Синьпин. Международные тенденции развития социальной политики в эпоху глобализации и перемены социальной политики в Китае // *Социальные процессы в Китае: информ. бюл. ИДВ РАН*. – 2006. – № 1. – С. 6–17.
7. Li W.W., Hodgetts D., Ho E., Stolte O. From early Confucian texts to aged care in China and abroad today: the evolution of filial piety and its implications // *Journal of US-China Public Administration*. – 2010. – Vol. 7, No. 7. – P. 48–59.
8. Fan R. Confucian Filial Piety and Long-Term Care for Aged Parents // *HEC Forum*. – 2006. – Vol. 18, No. 1. – P. 1–17. DOI: 10.1007/s10730-006-7984-7
9. Сяо Инь. Предпосылки становления социальной работы в Китае // *Балтийский гуманитарный журнал*. – 2018. – Т. 7. – № 3 (24). – С. 300–306. DOI: 10.26140/bgj3-2018-0703-0074 EDN: XTHVNR
10. Кондратенко Г.В. 30-летие социальных реформ в КНР (1978–2008 гг.): реформирование системы занятости и системы социального обеспечения // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2009. – № 3. – С. 30–39. EDN: KZQYJ
11. Баженова Е.С. Социальная политика в КНР: реформа пенсионной системы // *КНР: Проблемы демократизации и государственного управления: материалы ежегодной науч. конференции Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН. Вып. 21. – М.: ИДВ РАН, 2007. – С. 152–167.*
12. Селиванова Е.Ф. Реформа системы социальной защиты населения // *Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002) / отв. ред. Э.П. Пивоварова. – М.: ИДВ РАН, 2004. – С. 224–242.*
13. Krings M.F., van Wijngaarden J.D.H., Yuan S., Huijsman R. China's Elder Care Policies 1994–2020: A Narrative Document Analysis // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2022. – Vol. 19, No. 10. – Article 6141. DOI: 10.3390/ijerph19106141
14. Zhang L., Yang J. The Different Models of Community Eldercare Service in China // *Frontiers in Sociology*. – 2019. – Vol. 4. – Article 7. DOI: 10.3389/fsoc.2019.00007
15. Ma W., Shen Z. Impact of community care services on the health of older adults: evidence from China // *Frontiers in Public Health*. – 2023. – Vol. 11. – Article 1160151. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1160151
16. Yue Z., Xiang N., Li H., Liu E. The evolution trend of availability of China's community-based care services and its impact on the cognitive function of elderly people: 2008–2018 // *International Journal for Equity in Health*. – 2021. – Vol. 20. – Article 203. DOI: 10.1186/s12939-021-01544-w
17. Woo J. The Myth of Filial Piety as a Pillar for Care of Older Adults among Chinese Populations // *Advances in Geriatric Medicine and Research*. – 2020. – Vol. 2, No. 2. – Article e200012. DOI: 10.20900/agmr20200012
18. Lobanov-Rostovsky S., He Q., Chen Y. et al. Growing old in China in socioeconomic and epidemiological context: systematic review of social care policy for older people // *BMC Public Health*. – 2023. – Vol. 23. – Article 1272. DOI: 10.1186/s12889-023-15583-1

References:

1. China to promote application of big data, AI in elderly care: minister. The State Council of the People's Republic of China. 9 March 2025. URL: https://english.www.gov.cn/news/202503/09/content_WS67cd9f66c6d0868f4e8f0a69.html (accessed 19.05.2026).
2. Over one-fifth of Chinese population older than 60, says official report. The State Council of the People's Republic of China. 12 October 2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202410/12/content_WS6709cb9ac6d0868f4e8ebdda.html (accessed 19.05.2026).
3. Fang E.F., Fang Y., Chen G. et al. Adapting health, economic and social policies to address population aging in China. *Nature Aging*. 2025. Vol. 5. pp. 2176–2187. DOI: 10.1038/s43587-025-00999-8
4. Li Xu, Ma Chuan, Cao Yinting. Research on the policy of elderly care services in modern China – the case of Shanghai. *Comparative Politics Russia*. 2020. Vol. 11. No. 4. pp. 33–47.
5. Dambaeva D.R., Bazarova T.S. Features of social protection in China. *Bulletin of Buryat State University*. 2015. No. 5. pp. 80–83. EDN: VLZQUH

6. Guan Xinping. *International trends in the development of social policy in the era of globalization and changes in social policy in China. Social Processes in China: information bulletin of IFES RAS. 2006. No. 1. pp. 6–17.*
7. Li W.W., Hodgetts D., Ho E., Stolte O. *From early Confucian texts to aged care in China and abroad today: the evolution of filial piety and its implications. Journal of US-China Public Administration. 2010. Vol. 7, No. 7. pp. 48–59.*
8. Fan R. *Confucian Filial Piety and Long-Term Care for Aged Parents. HEC Forum. 2006. Vol. 18, No. 1. pp. 1–17. DOI: 10.1007/s10730-006-7984-7*
9. Xiao Yin. *Preconditions of formation of social work in China. Baltic Humanitarian Journal. 2018. Vol. 7. No. 3 (24). pp. 300–306. DOI: 10.26140/bg3-2018-0703-0074 EDN: XTHVNR*
10. Kondratenko G.V. *30 years of social reform in the PRC (1978–2008): reforming the system of employment and social support system. Oikumena. Regional studies. 2009. No. 3. pp. 30–39. EDN: KZQYTJ*
11. Bazhenova E.S. *Social policy in the PRC: pension system reform. PRC: Problems of Democratization and Public Administration: proceedings of the annual scientific conference of the Centre for Modern History and Politics of China, IFES RAS. Issue 21. Moscow: IFES RAS, 2007. pp. 152–167.*
12. Selivanova E.F. *Reform of the system of social protection of the population. Social Consequences of Market Transformations in the PRC (1978–2002) / ed. by E.P. Pivovarova. Moscow: IFES RAS, 2004. pp. 224–242.*
13. Krings M.F., van Wijngaarden J.D.H., Yuan S., Huijsman R. *China's Elder Care Policies 1994–2020: A Narrative Document Analysis. International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19, No. 10. Article 6141. DOI: 10.3390/ijerph19106141*
14. Zhang L., Yang J. *The Different Models of Community Eldercare Service in China. Frontiers in Sociology. 2019. Vol. 4. Article 7. DOI: 10.3389/fsoc.2019.00007*
15. Ma W., Shen Z. *Impact of community care services on the health of older adults: evidence from China. Frontiers in Public Health. 2023. Vol. 11. Article 1160151. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1160151*
16. Yue Z., Xiang N., Li H., Liu E. *The evolution trend of availability of China's community-based care services and its impact on the cognitive function of elderly people: 2008–2018. International Journal for Equity in Health. 2021. Vol. 20. Article 203. DOI: 10.1186/s12939-021-01544-w*
17. Woo J. *The Myth of Filial Piety as a Pillar for Care of Older Adults among Chinese Populations. Advances in Geriatric Medicine and Research. 2020. Vol. 2, No. 2. Article e200012. DOI: 10.20900/agmr20200012*
18. Lobanov-Rostovsky S., He Q., Chen Y. et al. *Growing old in China in socioeconomic and epidemiological context: systematic review of social care policy for older people. BMC Public Health. 2023. Vol. 23. Article 1272. DOI: 10.1186/s12889-023-15583-1*

Информация об авторах:

Ван Сяоцин, аспирантка кафедры социально-гуманитарных наук, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия; преподаватель, Шаньдунский транспортный университет, Шаньдун, Китай; e-mail: 1025240402@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-9691-1667>

Спасский Евгений Новмирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Дальневосточный государственный университет путей сообщения. e-mail: srs2@festu.khv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3280-2844>

Wang Xiaoqing, Postgraduate student at the Department of Social Sciences and Humanities, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia; lecturer, Shandong Jiaotong University, Shandong, China.

Evgeny N. Spassky, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Far Eastern State Transport University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 20.05.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.06.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.